

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ МЕСТОИМЕННЫЙ ЭКСПЕРИЕНЦЕР И СМЕНА СЕМАНТИЧЕСКОГО ТИПА

Антон В. Циммерлинг

Государственный институт русского языка
имени А. С. Пушкина/Институт языкознания РАН

fagraey64@hotmail.com

Резюме: Рассматриваются проблемы семантико-грамматического интерфейса, связанные с кодированием экспериенцера и предикатным значением состояния. Местоименное кодирование экспериенцера в болгарском языке способствует более жесткому размежеванию внутренних и внешних состояний по сравнению с русским языком. Некоторые болгарские и русские конструкции, выражающие значение состояния, на семантическом уровне биклаузальны. В болгарской желательной конструкции и русской конструкции с нулевым субъектом предикатива матричный предикат выражает значение состояния, а вложенный предикат — значение действия. В русских предложениях с качественным наречием на *–о*, матричный предикат имеет интерпретацию процесса, а реконструируемый вложенный предикат — интерпретацию состояния. Различия между языками объясняются несовпадением поверхностно-синтаксических структур при близости предикатно-аргументной структуры.

Ключевые слова: *экспериенцер, внутренние состояния, внешние состояния, дательный падеж, болгарский язык, русский язык, смена семантического типа, структура события*

1. Кодирование экспериенцера

Особенностью болгарской грамматики является параметр обязательного местоименного экспериенцера, т.е. кодирование семантической роли экспериенцера посредством местоименной клитики в дат.п. и вин.п. (Джонова / Dzhonova 2003). Как известно, термин экспериенцер служит общим обозначением для набора семантических ролей одушевленного участника (лица), в тех конструкциях, где не просто осуществляется селекция на одушевленность, но отбор участника непосредственно связан с психикой и восприимчивостью лица. Так, в предложении *Лев* (имя собственное) *был в сюртуке* участник 'Лев' не является экспериенцером, хотя предикат 'быть в сюртуке' предполагает, что тот, кто носит сюртук, является человеком. Напротив, в предложении *Лев* (имя собственное) *был навеселе* предикат 'быть навеселе' предполагает, что состояние легкой интоксикации спиртным, в котором в какой-то момент находился *Лев*, связано с физиологической восприимчивостью, которая признается характерной именно для человека. Это обоснование тривиально с позиций обыденного сознания и культурного опыта большинства лингвистов, хотя, строго говоря, неясно, почему состояние алкогольного опьянения признается релевантным для восприимчивости и реакций человека, а ношение одежды — нет. Сообщения о голубях или *львах* (животных), находящихся в состоянии опьянения после потребления продуктов брожения, встречаются едва ли не чаще, чем сообщения о животных, носящих сюртук, а естественных контекстов для регулярного употребления предикатов 'быть в сюртуке' и 'быть навеселе' не по отношению к человеку нет. Еще важнее то, что если экспериенцер — не элементарная роль, а набор ролей, указывающих на психику и восприимчивость лица, экспериенцер в каждом конкретном случае должен быть одновременно описан как субъект физиологической или психической реакции, аффекта, мнения, знания, веры, посессор и т.п. Лингвисты далеко не всегда занимаются выяснением этого вопроса. Они допускают, что предикаты психической сферы — при циркулярном объяснении это выражение означает 'предикаты, где один из участников имеет роль экспериенцера' — всегда имеют некоторые грамматические особенности, которые отличают их от прочих предикатов. Это допущение разумно. Так, посессор и субъект мнения могут кодироваться одним и тем же морфологическим косвенным падежом, как в болгарском, древнеисландском и древнеиндийском языках. Но оно является скрытой апелляцией к грамматике, т.е. к несемантическим или не чисто семантическим механизмам. В этой связи, анализ ситуаций,

где разные типы одушевленных участников, подводимых под понятие ‘экспериенцер’, кодируются единообразно, важен не только для описательной лингвистики, но и для моделей семантико-грамматического интерфейса.

2. Местоименный экспериенцер и семантический контроль

В болгарском языке маркирование экспериенцера местоименной клитикой вин.п./дат.п., стоящей контактно с глаголом или предикативом, является иерархически более значимым признаком, чем выбор морфологического падежа клитики, хотя в большинстве болгарских конструкций с местоименным экспериенцером используется дат.п. (Петрова / Petrova 2006), а вин.п. появляется, в основном, при предикативах субстантивного происхождения (*срам =ме =е, страх=ме =е, не =ме=е грижа*) и деривационно связанных с ними производных инхоативных глаголах: *досрамее =ме, дострашее =ме* (Джонова / Dzhonova 2003). Маркирование экспериенцера посредством местоименной клитики — ареальная черта балканских языков (Friedman, Joseph 2018: 30 — 32). Из представленных в болгарском языке конструкций с обязательным местоименным экспериенцером в плане внешнего сопоставления наиболее интересна желательная конструкция с проспективным значением, где наряду с местоименным экспериенцером (частная семантическая роль — диспозиционный субъект, т.е. субъект желания), маркируемым дат.п., возможен неместоименный неканонический актант со значением объекта желания. Он выражается беспадежной формой, но контролирует согласование глагола.

1. а. *Яде*_{3SG} *ми*_{DAT} *се бюрек*_{SG}. б. *ядат*_{3PL} *ми*_{DAT} *се бонбони*_{PL}.

Доводом в пользу трактовки неканонического актанта желательной конструкции как подлежащего, помимо согласования глагола, является то, что (1а—б) имеет семантическую структуру с невыраженным глубинным предикатом ХОТЕТЬ или ХОТЕТЬСЯ (ср. болг. ИСКАМ), соответствующую биклаузальному, а не моноклаузальному предложению, ср. рус. *мне*_{DAT} *хочется* [_{InfP} *есть конфеты*]. Хотя на поверхностно-синтаксическом уровне осложненные структуры с *иска*_м, ср. *иска ми се да работя*, и исходные структуры желательной конструкции без *иска*_м, ср. *работи ми се* не синонимичны¹ (Иванова / Ivanova 2021), налагаемые желательной конструкцией ограничения на выбор глагола похожи на эффекты вложенной клаузы. Прототипический контекст состоит в том, что у X-а возникает неконтролируемое или не полностью контролируемое желание совершить контролируемое им действие. В нотации ниже матричный предикат отмечен символом ‘#’, а индексация S₁...∅₁ отражает кореферентность матричного субъекта и невыраженного субъекта вложенной клаузы:

(i) [S₁ # - control [∅₁ V (O) + control]].

При отсутствии подлежащего в матричном предложении и переходности глагола вложенной предикации дополнение может подниматься в главную клаузу и занимать вакантную позицию подлежащего. Эта деривация облегчается тем, что ИГ *бюрек* и *бонбони* в (1а—б) лишены морфологического падежа. Правда, строго доказать гипотезу о биклаузальности болгарских предложений (1а—б) и подъеме подлежащего (subject raising) трудно, поскольку в стандартных случаях болгарский язык не показывает механизм подъема.

Указанные Й. Пенчевым неграмматичные примеры (2а—б) легче всего вслед за (Иванова / Ivanova 2016) объяснить несоответствием значениям контролируемости (2а) и динамичности (2б) вложенной предикации.

2а. **Не ми се забравяше повече.* б. **Не ми се знае.*

¹ Существующие описания говорят о том, что исходная структура желательной конструкции плохо сочетается с вложенными целевыми оборотами, ср. ?*Учат ми се езици, [ср за да мога да се общувам с чужденци]*.

На первый взгляд, такому объяснению противоречат указанные в (Димитрова / Dimitrova 2015) примеры с предикатами типа ‘кашлять’, ‘дремать’.

3. а. *Цяла нощ ми_{DAT} се кашляше.* б. *Дремеше ми_{DAT} се.*

Однако примеры (3а—б) не являются подлинным исключением, поскольку в контексте (i) предикаты *кашляше* и *дремеше* меняют семантический тип и переходят в класс (слабо) контролируемых: человек не может *умышленно (за)дремать*, но в силах *осознанно позволить себе* дремать или кашлять. Смена таксономического предикатного типа облегчается синтаксическим контекстом. Это справедливо и для русского предложения (4), где появляется предикат неконтролируемого действия *поскользнуться*.

4. *Ему_i хотелось [инф ∅_i поскользнуться и сломать ногу].*

В прототипической ситуации значение *X-у хотелось [сделать p]* связано с семантическим контролем той ситуации, которую описывает вложенная клауза, ср. *Ему хотелось съесть яблоко*, но в (4) реализуется более сложная структура (ii):

(ii) *X-у_i хотелось СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ [X_i поскользнулся].*

3. Предикативы ДПС и смена семантического типа

В современном русском языке местоименные клитики, соответствующие болгарским, отсутствуют и нет никаких свидетельств того, что параметр обязательного контактного расположения местоименной клитики и глагола (XP—CL—V ~ #V—CL, *V [Y] CL, *CL [Y] V) и связанный с ним параметр обязательной постановки местоименной клитики при предикате с экспериенциальным участником когда-либо действовали в истории русского языка. Тем не менее, общий маркер глагольных и неглагольных предикатов с экспериенциальным участником есть и в русской грамматике — это употребление дат.п., часто в связи с безличным оформлением предложения.

Обширный класс предикативов в русском и болгарском языках связан с дативно-предикативной структурой (далее — ДПС), которая в русском языке реализуется с внешне выраженной или нулевой связкой: N_{dat} — V_{LINK} — PRED. Данный класс является ограниченно открытым. Корпуса текстов русского языка показывают более 800 предикативов ДПС, многие из которых являются окказионализмами, негативно оцениваемыми частью говорящих. Средний объем активного словаря ДПС, по данным социолингвистических экспериментов, проведенных в 2017 — 2018 гг., намного меньше — около 200 — 240 единиц (Циммерлинг 2018b / Zimmerling 2018b), что, однако, является максимальным показателем для всех славянских языков, где есть сопоставимый класс предикативов². Конструкция ДПС есть и в болгарском языке (Градинарова / Gradinarova 2010). Несмотря на то, что болгарских предикативов ДПС меньше, чем русских, сама конструкция ДПС имеет более широкую онтологию, т.е. покрывает большее число разных денотативных ситуаций (Ivanova, Zimmerling 2019).

4. Внутренние и внешние состояния

Сопоставление русской и болгарской конструкции ДПС осложнено тем, что все русские предикативы ДПС допускают реализации без дат.п. лица (ниже они помечаются символом ∅), при этом в парах типа (5а—б) эффекта семантического сдвига может не быть. Предложение ДПС (5а)

² Аналогичные эксперименты для определения объема класса предикативов ДПС и внутриязыкового варьирования словаря ДПС проводились на материале болгарского, македонского, сербского, словенского и украинского языков, однако только для болгарского и русского доступны данные двойного эксперимента, где словарь ДПС определяется при комплексном применении социолингвистических и корпусных методов (Ivanova, Zimmerling 2019).

указывает на конкретного субъекта, обозначенного дат.п. лица *мне*, но это указание не погашается автоматически при замене $N_{\text{dat}} \rightarrow \emptyset$: предложение (5b) тоже может интерпретироваться так, что *грустно* было конкретному лицу — рассказчику или тому, кто уезжал. Это — интерпретация вложенной клаузы: нулевой субъект матричного предиката *было грустно* наследует референцию нулевого субъекта вложенной предикации *уезжать с дачи*. То, что такой эффект вообще возможен, свидетельствует о том, что структура (5b) без внешне выраженного семантического субъекта в дат.п. является для носителей русского языка при предикативах типа *X-у грустно / \emptyset грустно* не базовой, а семантически производной.

5. а. *Мне*_{DAT} **было** грустно уезжать с дачи. б. \emptyset_i **Было** грустно \emptyset_i уезжать с дачи.

Судя по имеющимся описаниям, такое употребление для болгарского языка нехарактерно. Зато опущение местоименной клитики в дат.п. может служить маркером семантического сдвига и указывать на то, что в структурах \emptyset — PRED и CL_{DAT} — PRED реализуются разные значения предикатной лексемы, ср. (6а—б).

6. а. *На мен* **ми**_{DAT} е студено. б. \emptyset Студено е тук.

Альтернативу (6а) vs (6б) мы интерпретируем как смену таксономического значения «внутреннее состояние» (далее будем использовать помету S_{INT}), на значение «внешнего состояния» (далее будем использовать помету S_{EXT}). Внутренние состояния отличаются от внешних по трем критериям. Во-первых, внешние состояния можно квантифицировать по временным и пространственным координатам, а внутренние нельзя: в одной и той ситуации *X-у* может быть *грустно* и *холодно*, а ощущения *Y-а* будут иными. Во-вторых, внутренние состояния предполагают приоритетного участника, а внешние состояния типа *здесь холодно*, *Лев был в сюртуке* — нет (Циммерлинг / Zimmerling 2018а). В третьих, внешние состояния доступны наблюдению, а внутренние — нет. Сдвиг $S_{\text{INT}} \rightarrow S_{\text{EXT}}$ при предикате ‘холодно’ возможен и в русском языке, см. (7а—б), но не при предикате ‘грустно’, предложение (8) неграмматично.

7. а. *Мне*_{DAT} было холодно (S_{INT}). б. *В комнате* \emptyset было холодно (S_{EXT}).

8. **В комнате* \emptyset было грустно.

Контраст между (7б) и (8) было бы удобно объяснить тем, что *холодно*, в отличие от *грустно*, может обозначать объективно измеряемые свойства ситуаций, по крайней мере — те свойства, относительно которых носители языка согласны, при каких условиях высказывание ‘В комнате холодно’ истинно, — в то время как *грустно* описывает только психику. Однако сдвиг $S_{\text{INT}} \rightarrow S_{\text{EXT}}$ возможен в русском языке и при предикативах, описывающих состояние психики. Рус. *тоскливо* регулярно употребляется с дат.п. лица, но предложение (9) сообщает не о том, что тоскливо было конкретному человеку *X*, а о том, что в некоторой референтной ситуации в комнате возникла тоскливая атмосфера, и любой внешний наблюдатель *Y* может это подтвердить. Это — прототипическая ситуация для S_{EXT} и стандартный контекст семантического сдвига: при устранении референциального субъекта состояния (*X*) и наличии эксплицитных указаний на место и время события, внешний наблюдатель (*Y*) становится единственным доступным типом одушевленного участника.

9. *В комнате* \emptyset было тоскливо. (S_{EXT})

Спорадически отмечаемое опущение местоименной клитики при сохраненной группе *на X*, называющей носителя состояния, видимо, не связано в болгарском языке с семантическим сдвигом. Пример (10) мы цитируем по (Иванова / Ivanova 2016).

10. *Студено е дори и на чужденците.* (S_{INT})

В контексте (10) отсутствие местоименного повтора (*им_i...на чужденците_i*) объясняется рематичностью группы *на X*, а возможно, и ее сниженным референциальным статусом, если имеются в виду не конкретные иностранцы, известные говорящему, а иностранцы вообще.

Можно предположить, что механизм обязательного местоименного маркирования экспериенцера задает более жесткое различие внутренних и внешних состояний и затрудняет семантический сдвиг $S_{INT} \rightarrow S_{EXT}$ в болгарском языке. Отсутствие данного механизма в русском языке облегчает переход $S_{INT} \rightarrow S_{EXT}$.

5. Нулевой субъект и семантические сдвиги в русском языке

В болгарском языке наличие местоименной клитики служит эксплицитным маркером того, что в предложении выражено значение S_{INT} . В русском языке, где местоименного кодирования экспериенцера нет, при устранении позиции дат.п. лица из схемы предложения с предикатом, описывающим психику лица, возникают нетривиальные эффекты. Возможны три сценария, два из которых уже иллюстрировались выше:

- (iii) Семантический сдвиг $S_{INT} \rightarrow S_{EXT}$ см. пример (9).
- (iv) Эффект вложенной клаузы $\emptyset_i \dots \emptyset_j$, т.е. сохранение нулевым субъектом референции к конкретному носителю состояния S_{INT} без семантического сдвига $\dots \rightarrow S_{EXT}$ см. пример (5b).
- (v) Референциальный сдвиг, т.е. реализация такого распределения значений, при котором внешне выраженный субъект в дат.п. лица имеет конкретную референцию при значении S_{INT} , а нулевой субъект имеет генерическую референцию.

При предикативах типа *тоскливо* возможны все три сценария, так, сценарий (v) реализуется в предложении (11), относящимся к родовой (генерической) ситуации.

11. [_{инф} *Соглашаться на уменьшение зарплаты*] \emptyset *тоскливо*. (S_{INT} — GENER)

Референциальный сдвиг $S_{INT} \rightarrow S_{INT}$ — GENER реализуется в русском языке только в предложениях с устраненным дат.п. лица при предикативе ДПС, но не автоматически, а при соблюдении ряда условий. Одним из них является наличие нулевой связки, другим — топиализация инфинитивного оборота целиком и продвижение его в позицию подлежащего, как в примере (11). Глагольные предложения с дат.п. лица устроены в русском языке проще. При устранении позиции дат.п. из схемы предложения, семантический и референциальный сдвиг обычно не происходят. Так, если в контексте (11) заменить предикатив ДПС *тоскливо* на глагол *хотеться*, даже при топиализации всего инфинитивного оборота и при постановке матричного глагола в форму настоящего времени, будет реализоваться сценарий (iii), т.е. интерпретация вложенной клаузы, ср. (12).

12. [_{инф} \emptyset_i *Соглашаться на уменьшение зарплаты*] \emptyset_i *не хочется/не хотелось*.
(эффект вложенной клаузы)

Трудно сказать, чем именно вызван такой контраст между предикативами и безличными глаголами в русском языке — разницей между таксономической семантикой глагольных и неглагольных предикатов при большей динамичности первых или же наличием нулевой связки в (11) и ее отсутствием в (12). Более вероятно второе объяснение.

Генерические предикаты типа (11) традиционно рассматриваются как обобщения над всем множеством ситуаций, где конкретному X-у, Y-у, Z-у в определенный момент времени *было тоскливо*. Однако между референцией самого предиката S_{INT} и референцией его субъекта может не быть точного соответствия. В генерических употреблении русских предикативов ДПС тоже иногда наблюдается эффект вложенной клаузы или сходные явления. Так, предикатив ДПС *вредно* без дат.п. вроде бы должен отсылать к любому человеку. Однако во встретившемся в реальной речевой практике примере (13) и его смягченном варианте со снятой утвердительностью (14) говорящий имеет в виду отнюдь не все человечество. Он эгоистично полагает, что носить маску и перчатки *вредно для него самого*, в лучшем случае — *тому, кто надевает маску и перчатки*: о том, что это может быть *вредно тем людям, которые находятся рядом с ним*, например, адресату, он забывает.

13. $[_{\text{инп}} \emptyset_i \text{Носить маску и перчатки}] \emptyset_i \text{вредно.}$ ($S_{\text{INT}} — \text{GENER}$)

14. Я читал о том, $[_{\text{CP}} \text{что } [_{\text{инп}} \emptyset_i \text{Носить маску и перчатки}] \emptyset_i \text{вредно.}]$ ($S_{\text{INT}} — \text{GENER}$)

Менталитет и психология прямо не связаны с семантикой и прагматикой: носители одного и того же языка ведут себя в сходных ситуациях по-разному. Однако наивная эгоистическая реакция автора примера (13) подпитывается особенностью русского языка, которую он, скорее всего, не осознал. При предикативах ДПС *полезно* и *вредно* говорящий подставляет себя на место субъекта вложенной предикации $[\emptyset_i \text{вредно } [\emptyset_i \text{делать } p]]$, исключая тех, кто не является субъектом действия ‘делать *p*’ из релевантного множества людей. При предикативе ДПС *X-у опасно* конвенциональная интерпретация структуры $[[\emptyset_i \text{делать } p] \emptyset_{ij} \text{опасно}]$ более «альтруистична» и не исключает несовпадения референции субъекта матричного и вложенного предикатов.

Итак, наличие в аргументной структуре предиката S_{INT} валентности на эксперенциального участника релевантно и для употреблений без внешне выраженного местоименного или именного маркера таксономического значения S_{INT} .

6. Предикативы ДПС и коррелятивные наречия.

Напоследок рассмотрим вопрос о том, насколько «глубокими» или «поверхностными» являются выявленные эффекты семантического сдвига $S_{\text{INT}} \rightarrow S_{\text{EXT}}$. Богатый материал дают те качественные наречия русского и болгарского языка, которые коррелятивны русским и болгарским предикативам ДПС. То, что эта область мало исследована, объясняется тем, что сторонники гипотезы о т.н. «категории состояния» без анализа приняли ложную посылку о том, что предикативы с финалью *-о* являются вторичными употреблениями непредикативных наречий на *-о*. Между тем, значения наречий на *-о* проще объяснить на основе значений коррелятивных предикативов на *-о*, чем наоборот. С исторической же точки зрения и те, и другие являются дериватами кратких прилагательных: соответствующий анализ был намечен еще А. В. Поповым в конце XIX в., но не получил распространения в русистике и болгаристике.

Был проведен анализ употреблений качественного наречия *тоскливо*₃, в Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/>). На синхронном уровне его следует рассматривать как омоним несогласуемого предикатива *тоскливо*₂ и согласуемого краткого прилагательного именн.п. ср.р. ед.ч. *тоскливо*₁. Семантическое соотношение между *тоскливо*₃ и *тоскливо*₂ прозрачно. Предикатив *тоскливо*₂ может употребляться в позиции основного сказуемого либо в значении S_{INT} , либо в значении S_{EXT} : и то, и другое употребление является регулярным. Глагольные предложения с наречием *тоскливо*₃ проецируют структуру события, где выделяется подсобытие, обозначаемое предикативом *тоскливо*₂. Иными словами, предложения с наречием *тоскливо*₃ и некоторым глагольным предикатом действия или процесса на семантическом уровне содержат вложенную предикацию с *тоскливо*₂, которое, в соответствии со сделанным прогнозом, может иметь в русском языке либо интерпретацию S_{INT} (без семантического сдвига), либо интерпретацию S_{EXT} (с семантическим сдвигом).

(vi) $[_{\text{VP}} \text{NEG } v \text{ тоскливо}_3 v [_{\text{VP}} V]] \& [_{\text{TP}} X \text{ тоскливо}_2]$

Прогноз оправдался. В корпусе были обнаружены как предложения, где реконструируется значение S_{INT} , так и предложения, где реконструируется значение S_{EXT} . Однозначные случаи встретились в предложениях, где позицию подлежащего глагольного предиката занимает неодушевленная ИГ. В примере (15) интерпретация S_{INT} является единственно возможной, так как воспоминание есть психическая реакция, недоступная внешнему наблюдению. Контекст позволяет однозначно установить, что субъектом внутреннего состояния (*X*) является конкретное лицо, *Гири́н*, пребывающее в состоянии ‘*тоскливо*₂’, при этом предикатное имя *воспоминание* и название части тела *грудь* содержат скрытую отсылку к тому же Гири́ну, см. помету ‘ $\rightarrow X$ ’.

15. **Яркое воспоминание** ($\rightarrow X$) *тоскливо*₃ *стеснило грудь* ($\rightarrow X$), но *Гири́н* (*X*) *отбросил его, подумав, что память, особенно когда дело идет о давно прошедшем, вещь очень коварная.* [И. А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959-1963)]. (S_{INT})

В примере (16), напротив, носитель внутреннего состояния (X) отсутствует, поэтому единственно возможная интерпретация состоит в том, что звук *выстрела* оценивается как *тоскливый* внешним наблюдателем (Y), который его слышит. Наблюдатель не назван прямо, но однозначно реконструируется из событийного предиката *звук выстрела* (помета ‘→ Y’).

16. *Негромкий звук выстрела* (→ Y) *одиноко и тоскливо прокатился эхом по лесу и иссяк где-то вдали.* [Вячеслав Кондратьев. Сашка (1979)]. (S_{EXT})

При одушевленной ИГ в позиции подлежащего глагольной клаузы, содержащей наречие *тоскливо*₃, часто возникает неоднозначность. Так, в контексте (17) доступны и X, и Y: неясно, описывается ли ситуация глазами *мерзнущих милиционеров* (X) или стороннего наблюдателя (Y), который смотрит на них с другой стороны улицы.

17. *На противоположной стороне улицы* (→ Y) *тоскливо*₃, *мерзли три милиционера* (→ X). [Елена Строителява. «Иисус, как и Ленин, добра людям хотел» (2002) // «Известия», 2002.11.08]. (S_{INT} ∨ S_{EXT})

Заключение

В настоящей работе были рассмотрены проблемы семантико-грамматического интерфейса, связанные с кодированием экспериенцера и таксономическим значением состояния. Местоименное кодирование экспериенцера в болгарском языке способствует более жесткому размежеванию внутренних состояний (S_{INT}) и внешних состояний (S_{EXT}) по сравнению с русским языком. Вместе с тем, некоторые интерфейсные принципы, связанные с эффектами семантического сдвига, референциального сдвига и эффектами вложенной клаузы, являются для обоих языков общими. Было показано соотношение предикатов состояния и предикатов контролируемого действия в ряде болгарских и русских конструкций, которые на семантическом уровне биклаузальны. В болгарской желательной конструкции и русской конструкции с предикативом и нулевым субъектом матричный предикат выражает значение внутреннего или внешнего состояния, а вложенный предикат — значение действия или процесса. В русских предложениях с качественным наречием на *-о*, напротив, главный предикат имеет интерпретацию действия или процесса, а реконструируемый вложенный предикат — интерпретацию внутреннего или внешнего состояния. Различия между языками могут объясняться несовпадением поверхностно-синтаксических структур при совпадении или близости предикатно-аргументной структуры.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке коллективного проекта № 20-512-18005, финансируемого РФФИ и Фондом «Научни изследвания», МОН, Болгария.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and BNSF, project number 20-512-18005.

Цитирана литература / References

- Градинарова 2010: Градинарова, А. Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на *-о* в русском и болгарском языках // *Болгарская русистика* № 3–4, с. 34–55. (Gradinarova 2010: Gradinarova, A. Bezlichnye konstrukcii s datel'nyum sub'ekta i predikativom na *-o* v russkom i bolgarskom yazykax. – In: *Bolgarskaya rusistika*, № 3-4, pp. 34-55.)
- Джонова 2003: Джонова, М. *Изречения със семантичната роля експериенцер в съвременния български език.* Автореферат на дисертация. Софийски университет „Св. Климент Охридски“. София. (Dzhonova 2003: Dzhonova, M. *Izrecheniya sas semantichnata rolya eksperientser v savremenniya balgarski ezik.* Avtoreferat na disertatsiya. Sofiyski universitet „Sv. Kliment Ohridski“. Sofia.)
- Димитрова 2015: Димитрова, М. Оптативните конструкции в съвременния български език: свобода и ограничения в образуването им. – В: *Български език*, Кн. 3, с. 25 – 37. (Dimitrova 2015: Dimitrova, M. Optativnite konstruktсии v savremenniya balgarski ezik: svoboda i ogranicheniya v obrazuvaneto im. – In: *Balgarski ezik*, Book 3, pp. 25 – 37.)

- Иванова 2016: Иванова, Е. Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериен-
цера в болгарском языке. – В: Циммерлинг, А., Е. Лютикова (ред.). *Архитектура клаузы в параметриче-
ских моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*, Москва: ЯСК, с. 332 – 368. (Ivanova
2016: Ivanova, E. Bezlichnye predlozheniya s obyazatel'nyum mestoimennym vyrazheniem eksperientsera v
bolgarskom yazyke. – In: Zimmerling, A., E. Lyutikova (ed.). *Arxitektura klauzy v parametricheskix modelyax:
sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov*, Moskva: YaSK, pp. 332 – 368.)
- Иванова 2021: Иванова, Е. „Желателни“ конструкции в българския език и руските им съответствия. – В:
Коева, С., М. Стаменов (съст.). Доклади от Международната годишна конференция на Института за бъл-
гарски език „Проф. Любомир Андрейчин“, т. 2. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с.
141 – 150. (Ivanova 2021: Ivanova, E. „Zhelatelni“ konstruktsii v balgarskiya ezik i tehните ruski saotvetstviya.
– In: Koeva, S., M. Stamenov (comps). *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za
balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin“*, t. 2. Sofia: Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov“, 141 – 150.)
- Петрова 2006: Петрова, Г. *Семантични роли на кратките дателни местоимения*. Бургас: Димант. (Petrova
2006: Petrova, G. *Semantichni roli na kratkite datelni mestoimeniya*. Burgas: Dimant.)
- Циммерлинг 2018a: Циммерлинг, А. Предикативы и предикаты состояния в русском языке. – In: *Slavistična
Revija*, № 1, pp. 45 – 64. (Zimmerling 2018a: Zimmerling, A. Predikativy i Predikaty Sostojaniya v Russkom
Jazyke [Predicatives and Predicates of State in Russian]. – In: *Slavistična Revija [Slavic Review]*, № 1, pp. 45 – 64.
- Циммерлинг 2018b: Циммерлинг, А. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в
русском языке. - In: *Вопросы языкознания*, № 5, с.7 – 33. (Zimmerling 2018b: Zimmerling, A. Impersonal'nye
Konstrukcii i Dativno-predikativnye struktury v Russkom Jazyke [Impersonal Constructions and Dative-
predicative Structures in Russian]. - In: *Voprosy Jazykoznanija [Issues in Linguistics]*, № 5, pp. 7 -33.
- Friedman, Joseph 2018: Friedman, V., Joseph, B. Non-nominative and depersonalized subject. – In: *Non-canonically
case-marked subjects*. The Reykjavík-Eyjafjallajökull papers. Ed. By J.Barðdal, Na'ama Pat-El, S.M.Carey.
Studies in Language Companion Series 200, pp. 23 – 53.
- Ivanova, Zimmerling 2019: Иванова, Е., Zimmerling A. Shared by All Speakers? Dative Predicatives in Bulgarian
and Russian. – In: *Bulgarski Language and Literature*, № 4, p. 353 – 363.

OBLIGATORY PRONOMINAL EXPERIENCER AND SEMANTIC TYPE SWITCHING

Anton V. Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute/
Institute of Linguistics, Russian Academy of Science

fagraey64@hotmail.com

Abstract: The obligatory encoding of the experiencer by pronominal clitics in Bulgarian brings about a more rigid contrast of internal vs external states compared to Russian, despite the overt similarity of constructions with a dative experiencer. Several Bulgarian and Russian constructions project an event structure with a non-trivial proportion of stage-level and dynamic predicates. The Bulgarian dispositional construction with an agreeing verb and the Russian construction with a zero subject and a non-agreeing predicative require stage-level predicates in the matrix clause, but dynamic predicates in the embedded clause. On the contrary, Russian verbal clauses with qualitative adverbials with the –o final require dynamic predicates in the matrix clause, but a stage-level predicate in the embedded clause. It is plausible that Bulgarian and Russian are similar on the level of argument structure but differ in the distribution of syntactic patterns.

Keywords: *experiencer, internal states, external states, dative case, Bulgarian, Russian, semantic type switching, event structure*

Anton V.Zimmerling, DSc Prof.
Pushkin State Russian Language Institute,
Volgina str. 6
Moscow, Russia 117485;

Institute of Linguistics,
Russian Academy of Science,
Bolshoj Kislovskij str. 1/1
Moscow, Russia 125009